

Ирина Потанина

Вильгельм Котарбинский

Ирина Потанина
Вильгельм Котарбинский

«Фолио»

2014

Потанина И. С.

Вильгельм Котарбинский / И. С. Потанина — «Фолио», 2014

Художник-символист Вильгельм Котарбинский (1849–1921) родился в городке Неборов под Варшавой, как живописец сформировался в Риме, а почти половину жизни провел в Киеве, который называл «родиной чудес». Он был неординарным человеком во всех отношениях: представитель старого польского шляхетского рода избрал трудную жизнь художника, католик – расписывал православный собор. Именно благодаря фрескам, написанным для Владимирского собора (1887–1895), Вильгельм Котарбинский стал по-настоящему известным в Российской империи. Он много писал – так, например, на выставке 1898 года было представлено более 100 работ. Начиная с характерных для классицизма мифологических и библейских сюжетов, в зрелые годы Вильгельм Котарбинский стал ярким представителем символизма, его работы этого периода («Вечерняя тишина», «Могила самоубийцы», «Бред», «После смерти» и др.) полны мистики и таинственности. Похоронен художник в Киеве, который он так любил, на Байковом кладбище.

© Потанина И. С., 2014

© Фолио, 2014

Содержание

Обычный удивительный художник	5
Случай на могиле	5
Не такой, как все	7
Судите по трудам моим	10
Глава первая, итальянская	13
На старт, внимание, марш	13
Первый римский рассвет	16
Сложности переходного периода	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ирина Потанина

Вильгельм Котарбинский

Обычный удивительный художник

Случай на могиле

«Киев – родина чудес!» – любил говорить тот, кому посвящена эта книга: неугомонный романтик, гениальный художник, таинственный мистик и при этом удивительно светлый человек – Вильгельм Александрович Котарбинский. Обладая оригинальным чувством юмора и умением философски относиться к любым жизненным трудностям, он особенно часто употреблял это выражение после 1917 года, причем в ситуациях, в которых человек менее аристократичный, скорее всего, громко выругался бы. И речь шла не столько о мистике, сколько об окружающем бардаке. Но на то это и Киев, чтобы одно с другим всегда оказывалось неразделимым.

– Киев – родина чудес! – с нескрываемым сарказмом и явно цитируя классика, произнес один мой знакомый на могиле Вильгельма Котарбинского. За несколько часов до этого, получив сообщение о разрушении могилы художника, мы – благо были в Киеве – бросили все дела и отправились на Байково кладбище, дабы спасти положение. Могила оказалась нетронутой, ухоженной и, судя по следам вокруг, сюда часто навевались. Сообщение о том, что последнее пристанище гения разрушено и могилу собираются снести оказалось дезинформацией. Мы поиронизировали на тему полнейшего бардака с проверкой фактов в современных СМИ, возложили цветы и хотели уже уходить, как вдруг заметили двух импозантных дам. Длинные юбки, высокие каблуки, широкополые шляпы, шлейф духов и поразительная осанка у обеих. Шли они прямо к нам. Вернее, не к нам, а к Вильгельму Александровичу. Разговорились. Оказалось, дамы знают, что могила вовсе не разрушена, но все равно приходят сюда всякий раз, когда появляются слухи, что последнему пристанищу Котарбинского что-то угрожает.

– Я лично уверена, что эти слухи распускает душа Вильгельма Александровича, когда хочет собрать тех, кто помнит этого удивительного художника. Вы видели его работы? «Поле смерти», «Могила самоубийцы», «Мавка»... Этот человек, разумеется, знал все о потусторонних мирах и теперь может подавать нам сигналы, – театрально растягивая слова, говорила одна из посетительниц, очень похожая на нашу преподавательницу истории. В голосе ее отчетливо слышалось помешательство.

– Не пугай детей, – вторая дама реагировала куда более адекватно и по-человечески. Даже попыталась оправдаться перед нами: – Моя коллега психолог. Она уверена, что, приправив ваше посещение могилы художника драматическими эффектами и мистикой, она сделает так, что вы лучше запомните и этот визит, и самого Вильгельма Александровича.

– Не «лучше запомнят», а «лучше узнают»! – не сдавалась первая дама. – Сейчас мало кто верит в потусторонние миры, и, конечно, юные поклонники не предполагают даже, что душа Вильгельма Александровича наблюдает за ними и направляет их действия.

– Перестань, пожалуйста! Достаточно уже того, что они знают, кто такой Котарбинский. Сейчас это такая редкость. А если знают, то уже не забудут, независимо от твоих театральных эффектов...

Дамы остались спорить, а мы ушли. И вскоре узнали, что начиная с 90-х годов периодически, ни с того, ни с сего, кто-то распускает слух о разрушении могилы Вильгельма Котарбинского. Именно благодаря этим слухам многие люди, не слышавшие имени художника раньше,

начинают интересоваться его творчеством, приходят в восторг, очаровываются, бегут спасать могилу, знакомятся с единомышленниками и многое узнают о творчестве и жизни художника. На самом деле разрушение грозило могиле только один раз – около 20 лет назад. Администрация кладбища разыскивала тогда родственников умершего, которые взяли бы на себя уход за могилой. Потомков в Киеве у Вильгельма Александровича, конечно же, не оказалось, зато нашлось много поклонников. С 1995 года могила была признана памятником культуры и теперь официально опекается сразу несколькими народно-культурными организациями. Тем не менее, сообщения о гибели могилы появляются регулярно, и всякий раз вызывают всплеск интереса к художнику. Такая вот загадочная история.

Кто-то увидел во всем этом злонамеренность (главными подтасовщиками фактов мой знакомый считает встреченных нами на кладбище дам), кто-то – свидетельство неразберихи и безответственности СМИ, а кто-то – (не буду тыкать пальцем себя в грудь) – верит, что душа Вильгельма Александровича и впрямь может проделывать с людьми этот нехитрый фокус. Ну и что, что так не бывает. Ведь, во-первых, речь ведь идет о Киеве (фраза «Киев – родина чудес!» звучит для меня теперь буквально и без всякого сарказма), а во-вторых – на то это и Вильгельм Котарбинский, чтобы все было у него не так, как положено.

Говорят, из любого правила найдется исключение. Так вот, едва ли найдется такое правило, исключением из которого не являлся бы Вильгельм Александрович Котарбинский.

Не такой, как все

Потомок старинного польского шляхетского рода, по всеобщим представлениям, должен был отличаться непомерным гонором в общении с посторонними и безукоризненной покладистостью в общении с семьей. Вильгельм Котарбинский, словно нарочно, все перепутал – доброго любознательного мальчишку можно было увидеть в обществе озорных уличных беспризорников, он не находил ничего зазорного в совместных шалостях с бедняками. Но при всем этом нравовучения учителей тоже выслушивал с пониманием и на их замечания ничуть не обижался. Не отреагировав на категорический запрет отца, Вильгельм все же решился стать художником и отдать свою судьбу «в лапы всяких критиков и прочих недостойных людей».

Или вот еще один удивительный факт. Несмотря на искренний патриотизм, большую часть жизни Вильгельм Александрович прожил за границей. Становлением личности Котарбинский обязан «Риму и только ему одному», а последние 30 лет жизни художник посвятил Киеву. И, хотя Вильгельм Александрович довольно часто ездил домой (у него было имение под Минском), в памяти людей Котарбинский все равно остается практически киевлянином, а главными адресами проживания художника в большинстве источников указаны именно адреса киевских гостиниц.

Кстати, про биографов и источники. Неудивительно, если некоторые сведения из биографии той или иной знаменитости путают, когда речь идет о событиях тысячелетней давности. Но если герой родился во второй половине XIX века, подобные нестыковки по меньшей мере необычны. Кто-то именует художника Вильгельмом, а кто-то Василием. Тут, допустим, дело просто в переводе имени. Но как объяснить тот факт, что кто-то приписывает Вильгельму часть работ и поступков его двоюродного брата Милоша, а кто-то, наоборот, заносит данные о приключениях и картины Котарбинского на счет его лучших друзей – братьев Сведомских? И даже с датой и местом рождения выходит путаница. Большинство источников сообщает, что Вильгельм Александрович Котарбинский родился 30 ноября 1848 года в городке Неборов Люблинской губернии под Варшавой. Но некоторые, ссылаясь на воспоминания знаменитого публициста и путешественника В. Л. Дедлова, который лично был знаком с художником и неоднократно с ним беседовал, считают, что Котарбинский родился в 1851 году в Петроковской губернии. В некоторых статьях также указывается 1849 год, но это, по крайней мере, объяснимый казус, о котором будет рассказано ниже.

Лишь в одном все свидетельства сходятся полностью: в описании Вильгельма Александровича, как мудрейшего и приятного собеседника со светлой душой, завораживающим воображением и отменным чувством юмора. Согласитесь, божественная личность, о которой все отзывались только положительно – тоже явное исключение из правил.

«В Риме попытайтесь встретиться с Котарбинским (Вильгельмом). Это мой старый знакомый. Умнейший и необычайнейший человек, которого я очень уважаю. Он вам все покажет и расскажет, как никто! Кланяйтесь ему от меня очень низко и скажите, что я его люблю и уважаю, как и прежде. Кроме Репина и Антокольского я из всех наших художников не знаю никого с таким же смелым, сильным и оригинальным мышлением. Постарайтесь провести с ним все время пребывания в Риме. Будете довольны и благодарны», – пишет в 1887 году известный критик В. В. Стасов в своем письме-наставлении к И. Я. Гинцбургу.

«Котарбинский – великий мечтатель. Он любит мечтать о важном и о ничтожном, серьезно и шутя. <...> Сведомский, когда пишет, работает. Котарбинский же – мечтает. Мечтает заразительно, без усталости и в то время, когда работает, и тогда, когда отдыхает... <...> От всего, что он делает, веет изяществом, нежностью и глубокой, шопеновской, польской грустью», – пишет в своем трактате о создателях Владимирского собора В. Л. Дедлов.

«Там мы встретили Котарбинского, который тогда еще не был знаменитостью и представлял из себя очень простого веселого господина, полного изящных шуток. Сведомские тоже отличались радушием и приветливостью к землякам. Все были очень просты и милы», – вспоминает о своем римском знакомстве с Вильгельмом Александровичем основатель и руководитель Киевской рисовальной школы Н. И. Мурашко.

С юмором и теплотой вспоминал о Вильгельме Александровиче и Виктор Михайлович Васнецов. Художники подружились во время работы во Владимирском соборе. «Показывая на фигуру поляка в «Царевне Несмеяне», Васнецов сказал: «Это я нашего Катарра припомнил, как он важно, точно «круль польский», усы свои закручивает и сам при этом посмеивается. Так вот и этот у меня: его очередь сместить царевну еще не пришла, а он уже воображает себя победителем, как «пан Заглоба» у Сенкевича. Усы крутит – на своих соперников гордо поглядывает. Красавец! Совсем наш Катарр, когда разойдется и о разделе Польши заговорит», – вспоминает Н. А. Прахов в книге «Страницы прошлого».

Кстати, о «красавцах». Что касается личной жизни Вильгельма Александровича – снова выход за рамки. Во-первых, влюбиться нашего героя угораздило ни в кого-нибудь, а в собственную кузину. В те времена римско-католическая церковь подобные связи категорически не одобряла, потому девушке пришлось выйти замуж за другого, и чувства пылкого художника могли бы стать началом трагичной, но весьма распространенной поучительной истории о безнадёжности первой любви. Но Котарбинский и тут умудрился вырваться из общепринятого сюжета. На кухне он, в конце концов, женился. Вспоминал, что был счастлив в браке, что все шло легко и замечательно. Легко женился, легко расстался, детей так и не завел, но всегда вспоминал жену с большим уважением и одним из основных ее достоинств считал отсутствие в доме скандалов. Особенно после принятия решения о том, что супругам стоит жить отдельно и больше никогда не встречаться. Словом, большой оригинал.

Еще один миф, который разрушил своей жизнью Вильгельм Котарбинский – утверждение о том, что художник должен быть голодным. Хлебнув несколько месяцев настоящей нищеты, будучи по воспоминаниям современников «беден как церковная крыса или как варшавский стипендиат», юный художник решил, что подобное положение дел его не устраивает и, как говорится, взял ситуацию в свои руки. Давал частные уроки, рисовал портреты на заказ, расписывал особняки, проводил за работой многие часы, но больше никогда не позволял бедности возвратиться в его жизнь. Судьба была благосклонна к трудолюбивому и талантливому художнику: вскоре он стал знаменитостью и мог позволить себе вообще не думать о средствах на существование, полностью сконцентрировавшись на творчестве.

И вот еще один, на мой взгляд, самый критичный парадокс: современники охотно и много пишут о Вильгельме Александровиче, причем всякий раз употребляют рядом с его именем трагичное «не заслуженно забытый» или «не оцененный нашими современниками». Кроме трудов искусствоведов (таких как М. Дроботюк, К. Габриелов, А. Кароли) имя Котарбинского также упоминается во многих литературных произведениях, опирающихся на реальные исторические факты. Множество современных романистов, герои которых обитают в Киеве начала XX века, обязательно, среди прочих символов того времени, упоминают Вильгельма Александровича. В некотором смысле он выступает антагонистом Врубеля: талант и умение общаться «на ты» с призраками кого-то сводят с ума, а кому-то дают силы видеть ясную картину мира. Вот, например, цитата из знаменитых «Киевских Ведьм» Лады Лузиной: «Врубель тоже был странным – мазал нос зеленой краской, бродил по Киеву в ренессансном костюме... Но для Врубеля творчество стало темным провалом, приведшим его в сумасшедший дом. В Котарбинском же больше всего Катю поражало то, что он буквально излучает вокруг себя радость творчества – казалось, из него исходит незримый свет, сделавший неубранную комнату с серым дождем за окном радостно-солнечной...» Пишут много, пишут страстно, пишут с любовью, но обязательно добавляют потом: «Как жаль, что в наши дни про него говорят так мало». Впору

обвинить всех в лицемерии, но, как ни странно, более детальное изучение вопроса показывает, что все честно: Вильгельм Александрович Котарбинский действительно в равной степени может считаться и очень знаменитым и совершенно забытым.

Остановимся на этом подробнее.

Судите по трудам моим

Говорят, время объективно. Судит, дескать, о человеке по поступкам, по богатству оставленного миру наследия. Если так, то совершенно непонятно, почему имя Вильгельма Котарбинского не вызывает улыбку понимания у каждого школьника. Вильгельм Александрович до сих пор считается одним из самых плодovitых художников мира. Вся жизнь его была работой – непрерывным процессом визуализации мыслей. Он рисовал на всем, чего касалась рука: в тетрадках в линейку, рассказывая что-то ученикам; на обратной стороне конвертов, письма из которых читал как раз в момент рисования; на старых визитных карточках, обдумывая, стоит ли посетить их хозяев сегодня. В 1974 году в архив-музей литературы и искусства Украины были переданы, например, три письма и конверт, расписанные Котарбинским акварельными красками и посвященные и подаренные потом Елене Праховой, с которой Вильгельма Александровича в последние годы жизни связывали уже практически родственные узы.

– Вы изрисовали старые письма по причине отсутствия в доме нормальных материалов или по привычке разрисовывать все, что попадает под руку?

– Изрисовал, разве? Надо же, а я и не заметил...

По свидетельствам современников, с самого юного возраста, Котарбинский постоянно рисовал эскизы, изобретал сюжеты, строил композиции и, главное, не оставлял ничего на полпути, обязательно доводя работы до состояния, когда их можно было «вывести в свет». Эскизы и зарисовки, набросанные во время философских дискуссий о мироустройстве на очередном пышном застолье, превращались потом в серию потрясающих сепий, выставка которых произвела фурор в самых разных уголках мира. Ночные видения Вильгельма Александровича, наскоро зарисованные утром, позже обретали новую жизнь, воплощаясь на стенах домов, хозяева которых приглашали художника украсить интерьер. Картины Вильгельма Александровича много путешествовали. До того как осесть в музеях или частных коллекциях, они с неизменным успехом выставлялись в разных городах мира: Рим, Париж, Варшава, Берлин, Львов, Санкт-Петербург... В 1895 году, например, для Вильгельма Котарбинского выделили целый зал на 3-й выставке Киевского товарищества художников: там были представлены сразу 60 сепий.

Некоторые источники сообщают, что во время очередной смены власти в Киеве во время событий 1917–1920 годов Вильгельм Александрович принял решение покинуть любимый город и, наконец, переехать в свое относительно тихое небольшое имение Кальск, расположенное в Слуцком уезде Минской губернии. Художник собрал лучшие свои работы и отправил их с багажом, вперед себя. Увы, багаж пропал, а сам художник так и не смог никуда уехать. История эта и печальна и показательна: ведь даже при такой значительной потере посетители Вильгельма Александровича тех лет вспоминали о множестве работ, наполнявших мастерскую (она же гостиная) художника.

Быть может, из-за количества картин страдало качество? Нисколько! Догма о том, что количество и качество несовместимы – одно из тех правил, к которым Вильгельм Александрович стал ярким исключением. Достаточно просто посмотреть его работы – репродукции в большом количестве есть в Интернете – чтобы понять: перед нами гений. Тем же, кто «не верит глазами своим», рекомендуется просмотреть список высоких наград и регалий Вильгельма Александровича. В 1872 году юный Котарбинский был признан «первым рисовальщиком Рима» и получил серебряную медаль на конкурсе в Академии св. Луки. В 1894 году на национальной выставке во Львове имя Котарбинского звучит особенно громко: мастер получает золотую медаль и множество хвалебных отзывов. Неоднократно потом копируемая и считающаяся вершиной масляной живописи тех лет картина «Оргия» приобретает музей Императора Александра III. В 1905 году (по некоторым сведениям в 1915 г.), будучи уже зре-

лым художником, Вильгельм Александрович удостоивается звания академика Императорской Академии художеств «за известность на художественном поприще». Элементы кисти Котарбинского в росписи соборов – среди которых центральное место занимает, конечно, Киевский Владимирский собор – до сих пор поражают воображение и вызывают учащенное сердцебиение у множества зрителей и искусствоведов. За работу над росписью Владимирского собора Котарбинского наградили орденом Станислава II степени. Так что качество работ не вызывает сомнений.

Но в чем же тогда дело? Возможно, виноваты советские музеи, в силу идеологической направленности не приобретающие работы символиста Котарбинского? Но и эта версия отменяется, ведь известнейшие частные коллекции никто не отменял. Знаменитые итальянские и польские меценаты регулярно выставляли картины Котарбинского раньше и выставляют сейчас. Информация о пристрастии к работам Вильгельма Александровича знаменитейших коллекционеров – таких как Солдатенков, Ханенко или Терещенко – тоже не могла кануть в лету. Кроме того, большинство исследователей сходятся во мнении, что Котарбинский был одним из любимых художников Николая II. Кстати, сегодня добрая традиция продолжается: за картины Котарбинского сражаются на аукционах самые обеспеченные покупатели. О популярности работ Вильгельма Александровича говорит хотя бы тот факт, что все мы до сих пор знакомы с ними. В 1914 году киевское издательство «Рассвет» издало масштабную серию открыток В. Котарбинского. Русалки, нимфы, ангелы, наяды, болотные огоньки, смерть в образе девушки или прекрасного юноши, лихорадка – белая дева, пришедшая с болот... Покажите любую из этих открыток современному зрителю, и он воскликнет: «Конечно, знаю! Это же классика модерна! Это же основа основ – символизм в чистом виде. Разумеется, я знаю и люблю эти работы. Что? Котарбинский? А кто это?»

И вот тут мы сталкиваемся с основным парадоксом, сформулировав который, на мой взгляд, легко увидеть разгадку. Говоря о том, что художник «несправедливо забыт» или «не оценен в должной мере», мы, на самом деле, грешим против фактов. Владимирский собор со времен Великой Отечественной войны снова работает и открыт для посетителей, самые знаменитые дома, расписанные Котарбинским, все еще сохранились в Киеве, выставки картин Вильгельма Александровича проводятся регулярно, а Интернет полон репродукций самых разных работ мастера. О творчестве Вильгельма Александровича постоянно что-то говорят, то есть оно вовсе не забыто. Налицо другой удивительный факт: работы Котарбинского куда более популярны и оценены, чем сам художник. Мы вполне оправданно можем негодовать, утверждая, что «совершенно не понятно, отчего имя Котарбинского не стоит в каждом учебнике рядом с именами Васнецова и Врубеля». Но предъявить аналогичную претензию относительно работ Вильгельма Александровича нельзя – они все «на слуху», они обсуждаемы, любимы и заслуженно почитаемы. Как же так вышло? Почему знаменитые сепии, все эти «пронзительные оленеглазые взгляды», «идеальная римская анатомия», «леденящие душу страсти мистика» не вызывают в нашей памяти фамилию «Котарбинский» столь же естественно, как фамилия «Айвазовский» всплывает в мыслях, при виде оживающего на полотнах моря? Возможно, разгадка снова кроется в «происках души Котарбинского». Читая воспоминания о полушутливых диалогах о мироустройстве, которые постоянно царили в кругу друзей Вильгельма Александровича, сталкиваясь с его собственными философскими высказываниями или опираясь на воспоминания о нем современников, ясно ощущаешь, что картина мира по Вильгельму Котарбинскому удивительно светла, изначально совершенна, гармонична и... не терпит авторства. Несмотря на любые сложности, художник всегда считал, что в жизни все складывается так, как должно, а люди – лишь переносимые порывами потусторонних ветров песчинки в бескрайнем океане Вселенной. В картине мира Котарбинского ощущается четкая разница между чувством собственного достоинства и гордыней. Талант, по Котарбинскому, – не что иное, как обязательный спутник личности, потому негоже считать его чем-то выдающимся. Достаточно

вспомнить, что, любуясь тем или иным произведением искусства, Вильгельм Александрович прежде всего восхищался красотой мира, описанного художником, а потом уже мастерством автора работы. Добавим к этому еще некоторые факты: например, вспомним, что Вильгельм Александрович не стал подписывать свои фрагменты при росписи Владимирского собора или что он отказался поставить автограф на «Лепте вдовицы» кириллицей, хотя это было условием приобретения картины для Третьяковской галереи. Вспомним также, что на всевозможные хвалебные отзывы он реагировал довольно холодно, сдержанно благодаря и искренне вздыхая: «Согласен, вышло удивительно. Но благодарности не уместны. Поймите, я обычный художник. Удивлять – это моя работа». Вполне логично предположить, что Вильгельм Александрович и сам хотел, чтобы работы его остались в веках самостоятельными, отдельными от имени автора. Не то чтобы он что-то намеренно для этого предпринимал, просто довольно часто рассуждал на тему «труды останутся, а личности исчезнут» и мысленно представлял будущее, в котором люди будут восхищаться чистым искусством, не сковывая себя представлениями о характере авторов или обстоятельствах создания работы.

Еще одна удивительная черта Вильгельма Александровича – практически все, о чем он мечтал, сбывалось.

Но чтобы факт этот не казался выдумкой или подтасовкой, нужно рассматривать биографию и творческий путь Вильгельма Александровича более детально.

Глава первая, итальянская

На старт, внимание, марш

Вильгельм Александрович Котарбинский был вторым сыном польского шляхтича Александра Котарбинского, занимавшего в варшавской провинции Неборов должность рахмистра (счетовода, если говорить современным языком). Если опираться на польские источники, то родился наш герой 30 ноября 1848 года. Однако из-за плохого самочувствия младенца, крещение прошло только в феврале 1849-го, о чем сделана соответствующая запись в церковной книге. Вероятно, именно из-за этой официальной отметки во многих современных статьях Вильгельму Александровичу приписывается 1849 год рождения. Семья жила не слишком богато, но дружно и спокойно. Дети воспитывались большими аккуратистами, почитателями католических традиций и национальных корней. Больше всего на свете маленький Вильгельм любил бывать в гостях у дяди. Тот, в отличие от Александра Котарбинского, был натурой творческой и экспрессивной. В доме его постоянно шумели праздники, для детей (и родных, и племянников) постоянно устраивались шуточные экзамены, им прощались всевозможные шалости и выходки, а кухня, которую всю жизнь Вильгельм величал не иначе как Она, с раннего детства была похожа на ангела и говорила самые мудрые вещи в мире. Детей в семье у дяди откровенно баловали, с раннего детства предоставляя им значительную свободу и всячески способствуя их творческому развитию. К слову сказать, двоюродные братья нашего героя тоже стали знаменитостями. Милош окончил Петербургскую академию и стал художником, а Джозеф прославился на почве публицистики, литературы и театральной критики. Племянник же Вильгельма Александровича – тот самый знаменитый философ и логик Тадеуш Котарбинский. Все это наглядно показывает, что вольности дяди по отношению к детям пошли всем на пользу. Увы, об этом легко судить лишь по прошествии многих лет. А в 60-х годах XIX века столь вольные отношения с детьми казались непозволительными. Отец Вильгельма Котарбинского на каком-то этапе даже пытался запретить сыну общение с дядей, его семейством и с «постоянно ошивающимися у них странными типами».

Сложно понять, как прошло детство нашего героя без краткого знакомства с положением Польши тех лет. В прошлом великая Речь Посполитая – самое крупное и процветающее государство Европы – вот уже больше века как пришла в упадок и потеряла самостоятельность. К моменту рождения Вильгельма Котарбинского земли Польши были разделены между Германией, Австрией и Россией. Родился и вырос наш герой в Российской империи, но ни на миг не забывал, что он – настоящий поляк и потомок древнего гордого шляхетского рода. Шляхетские восстания вспыхивали тогда довольно часто, Российские власти, как могли, старались сохранить заведенный порядок (отправляли в солдаты «неблагонадежных» молодых поляков, закрывали польские национальные учреждения, в 1861-м даже ввели в стране военное положение). В Варшаве возникали постоянные конфликты как с российскими властями, так и между самими поляками, часть из которых придерживалась радикальных взглядов, а часть мечтала о процветании Польши, добытом мирными способами. Юный Котарбинский, конечно, не мог оставаться в стороне от политической жизни страны. Судя по дальнейшим поступкам и некоторым высказываниям тех лет, Вильгельм Александрович поддерживал поляков, мечтавших соединить все польские земли и добиться для них автономии в рамках Российской империи. Впрочем, несмотря на интерес к политике, основные его жизненные силы занимала совсем другая борьба – Вильгельм Александрович мечтал стать художником и, прежде всего, должен был убедить в правильности своего выбора отца. Александр Котарбинский принял известие о том, что благородный шляхтич собирается « всю жизнь красить заборы » с огромным неудо-

вольствием. Убедить отца так и не удалось, к тому же в 1864-м году власти закрыли Школу изящных искусств, которую объявили рассадником мятежных настроений и в которую – вовсе не из-за настроений, а из-за страсти к рисованию – мечтал поступить наш герой. В итоге Вильгельм Котарбинский окончил классическую варшавскую гимназию и, уважив отца, поступил в Варшавский университет. После занятий он уже давно регулярно посещал классы рисования под руководством Рафаэла Гадзевича, где демонстрировал огромный талант и трудолюбие. Когда Варшавская школа изящных искусств в несколько новом формате, но все же вновь объявила о полноценном наборе студентов, Вильгельм не желал больше тратить время на университет (те несколько месяцев, что он проучился там, ни на йоту не приблизили его к мечте о жизни художника, а значит, по тогдашним оценкам Котарбинского, были совершенно бесполезны). Дядя приложил массу усилий, чтобы успокоить родителей юного художника. Он же, кстати, был и первым покупателем Вильгельма. Как вспоминал последний: «Еще в Варшаве я написал маслом небольшую, но очень патристическую батальную картину, которая так понравилась дяде, что он купил ее у меня и повесил в золоченной раме у себя в кабинете». Это стало хорошей моральной и материальной поддержкой для юного художника. В поисках единомышленников, очень тяжело переживая конфликт с отцом, Вильгельм все чаще бывал в доме дяди, где находил такое нужное тепло и понимание. Особенно добра к нему была Она. Вскоре Вильгельм понял, что влюблен. Чувство это было совсем некстати. Она, если и отвечала кузену взаимностью, то никогда не призналась бы в этом, ведь ее по давней договоренности семей ожидал счастливый и правильный брак с сыном друга отца. Ситуация была мучительной для всех участников и окружающих. И тут – о чудо! – оказалось, что последние курсы можно заканчивать заочно. Студент получает статус научного сотрудника, так сказать, аспиранта, и отправляется в путешествие для вдохновения, знакомства с другими художественными школами и обмена опытом. Необходимый экзамен Котарбинский выдержал без проблем, с деньгами помог все тот же дядя (взять просто так гордый Вильгельм не мог, поэтому дядя приобрел еще несколько картин, которые периодически выставлял потом на выставках как великую ценность, хотя сам Котарбинский считал их лишь предлогом для возможности инвестиции). Родительского благословения уезжающий решил не просить... Все это было спонтанно, нервно и ужасно болезненно. Кадры прощания долго еще не давали покоя юному романтику, особенно откровенный разговор с Ней, принесший понимание, что, несмотря на взаимность, им лучше никогда не встречаться, дабы не бередить души друг друга.

Кстати, относительно возраста Котарбинского на тот момент наблюдается удивительная путаница. Все официальные документы сообщают, что Вильгельм покинул Варшаву в 23 года, а сам Котарбинский и его близкие друзья, утверждают, что парню тогда было 19 лет. Это заставляет с большим вниманием отнестись к свидетельствам В. Л. Дедлова, представляющего годом рождения Котарбинского 1851-й. Впрочем, лучше не будем придирааться к датам, а, забыв о числах, доверимся воспоминаниям самого Вильгельма Александровича, в которых картина его отъезда из Польши выглядит так:

«Учился я в гимназии, а по вечерам ходил учиться рисованию в школу общества «Stuka pigkna». Мне было девятнадцать лет, когда я влюбился в свою кузину и захотел быть художником. И то и другое отец не одобрял: жениться на кузине не разрешала римско-католическая церковь, а быть художником, писать вывески, красить полы и заборы – было, по мнению моего отца, «не шляхетское дело». Убедить его не было никакой возможности. Я рассказал обо всем моему дяде. Дядя попробовал переговорить с отцом, но получил полный отказ. Мысль о женитьбе на кузине и дядя не одобрил, по тем же самым мотивам, что и отец. Кончилось тем, что я собрал свои вещи, занял у дяди немного денег, выправил заграничный паспорт и поехал в Италию, конечно, в Рим. Общество «Stuka pigkna» дало мне немного денег на дорогу и назначило небольшую стипендию».

Детство и отрочество остались позади, все решения были приняты, и поезд уносил нашего героя навстречу новой загадочной и взрослой жизни.

Первый римский рассвет

Если воровать – то миллион, если влюбиться – так в королеву, если уезжать, то сразу в Рим! Сложно переоценить грандиозность такого решения. Италия для художника – неиссякаемый источник вдохновения: история буквально в каждом камне, натура – в каждом лице напротив и, как ни удивительно, эрудированный искусствовед в любом собеседнике: будь то светский лев, булочник или любовно натирающий до блеска мраморные ступеньки подъезда бронзово-кожий полотер. Рим опьяняет и заряжает энергией, пробуждает таланты и, по выражению П. П. Муратова, «необычайно обостряет способность угадывать напоминание о древних». Переезд в Рим для юной творческой души – не только возможность учиться у лучших мастеров современности, но и погружение в животворящую среду созидания, позволяющую формироваться и расти не только мастерству, но и личности в целом. С другой стороны, оказаться в совершенно чужом городе, уехать на вольные хлеба, разорвав все связи с мещанскими стереотипами правильного пути и пойти против воли отца – поступок весьма отчаянный. Решение покинуть родину для юного Вильгельма означало одновременно и обретение огромной духовной свободы, и принятие на себя серьезнейших обязательств, ограничивающих юношу похлеще любых родительских наказов. Впрочем, все это нашего героя абсолютно не пугало. Азарт наполнял его душу, и, в сотый раз проговаривая про себя план действий, он улыбался той особенной улыбкой, по которой наблюдательные люди узнают влюбленных, а опытные психиатры ставят диагноз. На эту поездку Котарбинский поставил все, потому отныне не имел права тратить жизнь на пустяки. В ближайшем будущем Вильгельм пообещал себе совершить три предельно ясные вещи. Во-первых, ему надлежало прославиться. Не из тщеславия, а просто дабы доказать отцу, что путь художника вполне уместен и для благородного шляхтича. Во-вторых, необходимо было разбогатеть. Хотя бы для того, чтобы дядя увидел, что его инвестиции были не подаянием, а необходимым стартовым капиталом в надежном и прибыльном предприятии. В-третьих, Котарбинский обязан был выполнить обещание, данное лично Ей (при мыслях об этом Вильгельм закрывал глаза, становился бледен и с горечью вспоминал прощальное напутствие возлюбленной): «Исцелить душу, не погибнуть от любовной тоски, не растерять столь поразительное доверие к судьбе и милое умение восхищаться миром». Как бы там ни было, покидая родную Польшу, наш герой ничуть не сомневался, что добьется своего. На вопрос случайного польского попутчика о том, сколько же лет столь отважному «покорителю мира», наш герой по-д’артаньяновски ответил: «Ах много, сударь, много – девятнадцать!» и пришел в негодование, заметив на лице собеседника ироничную усмешку. На взгляд самого художника, путешествие он начинал с прекрасными активами. Прибыль, вырученная от продажи картин дяде, с лихвой окупала дорогу. Стипендия аспиранта Варшавской школы изящных искусств и немного денег, которые совет школы выделил юному таланту на переезд, тоже были очень кстати. Кроме того, в записной книжке имелось несколько адресов, по которым предположительно проживали знакомые знакомых, несомненно, обладавшие желанием просветить юного соотечественника в вопросах римской жизни. А в памяти – оставшиеся от школьных уроков латинские поговорки, которые на первых порах могли сойти за знание итальянского языка. Ко всему прочему, Вильгельм вооружился и многочисленными советами разных знакомых, ездивших в Вечный город на поклонение Папе Римскому, а также некоторым количеством сведений о Риме, сложившимся благодаря урокам истории и фотографиям, висевшим в кабинете отца. Но самое главное было в сердце художника – огромное желание учиться, готовность заявить о себе и нестибаемая вера в силу искусства и везение тех, кто искренне служит красоте.

О римском периоде Вильгельма Александровича (а Вечному городу художник посвятил 20 лет жизни) можно судить, прежде всего, благодаря воспоминаниям самого Котарбинского, которые Н. А. Прахов описал в своей книге «Страницы прошлого». Некоторые моменты освеще-

щаются также в статьях гостивших в то время в Риме российских художников и публицистов. Отдельные эпизоды и обобщенные воспоминания встречаются и в итальянских источниках. Очаровательные диалоги, забавные случаи и поучительные истории, приключавшиеся с Котарбинским в Риме, неизменно представляют нам эдакого юного Дон Кихота от искусства, сражавшегося то с излишней коммерциализацией художественного общества; то с мечтами о блаженном безделье в ожидании вдохновения, воспеваемыми некоторыми творческими натурами; то с несовершенством мира в принципе, проявляющемся, по Вильгельму Котарбинскому, в равной степени как в быстро уходящем из города дневном свете, так и в привычке человечества делиться на угнетаемых и угнетателей. Он все время куда-то стремился и страстно участвовал в культурных диспутах. Острый ум, оригинальность выводов, удивительно естественное отсутствие границ между реальностью и фантазией, талант, трудолюбие и умение заражать окружающих «сумасшедшим восторгом делания» – вот основные черты юного Котарбинского, описанные современниками. Но давайте обо всем по порядку.

«В Италию я ехал, не зная никакого языка, кроме русского и польского, но доехал благополучно, не перепутав поезда на пересадках. Написал на бумажке латинскими буквами название города, куда еду, и показывал ее кондукторам»... Сердобольная матрона, соседствовавшая с художником в последнем поезде, хотела было взять юношу под свою материнскую опеку, но так как он ни в какую не хотел признаваться в своем незнании языка («мудрые» знакомые в Варшаве предупредили, что римляне считают всех не владеющих итальянским ужасными невеждами), приключился нелепый языковой казус, моментально лишивший попутчицу добрых намерений. Считая, что итальянцы могут обратиться к попутчику исключительно с приветливым «Как дела?», юный Вильгельм, по напутствию польских знакомых, на все вопросы вознамерился отвечать вежливым «Bene, grazia!» («Хорошо, спасибо!») и просто «Bellissimo!» («Прекрасно!»). Вышел подобный диалог:

- Вы хорошо говорите по-итальянски?
- Хорошо, спасибо.
- Как здорово! Как вы чувствуете себя в этом поезде?
- Хорошо, спасибо.
- Надо же! А мне вот не по себе. Думаю, я серьезно простудилась.
- Ну и прекрасно!

В результате, сойдя с поезда, наш герой оказался совершенно один. Многоголосье и интернациональность шумного римского вокзала обрушилась на него с полной силой. Какое-то время юноша был растерян, но потом Рим заметил его и затянул в водоворот своей жизни.

«Ко мне подлетели какие-то двое черномазых. Весело, со смехом что-то залопотали по-своему, размахивая руками, как крыльями мельницы, подхватили мой чемодан и портплед и быстро побежали куда-то вперед. Я за ними, кричу им:

– Стойте, стойте! – думал, что украли, а они, черти, поворачивают на ходу головы, скалят зубы, смеются и бегут к выходу. Оттуда через площадь в какие-то переулки. Наконец, остановились перед подъездом какой-то гостиницы. Отирают пот с лица рукавами, хлопают меня по плечу, весело смеются и болтают что-то совсем непонятное.

Старый швейцар заговорил со мной по-английски, потом по-французски и по-немецки. Услышав от меня, что я поляк, довольно бойко заговорил по-польски. Объяснил, что это не воры подхватили мой багаж, а носильщики, и бежали они так быстро потому, что хотят еще поспеть обратно к отходу поезда, и что им надо заплатить, но он это сделает сам, а мне поставит на счет. Тут мне стало совсем хорошо... Швейцар показал маленькую комнатку с окном в какой-то узкий переулок, назвал ее цену, спросил, не надо ли чего? И получив ответ, что ничего не надо, ушел вниз». Ни комната, ни носильщики юному Вильгельму были совершенно не по карману, но гордость не позволяла в этом признаться. «В конце концов, я совершенно не голоден и могу пожертвовать ужином. И потом, излишние растраты в первые дни – это

естественно. А завтра я уже найду жилье подешевле», – утешил себя юный путешественник. Выспросив у швейцара, как пройти на Форум – тот самый Форум, о котором столько писали, тот самый, на котором происходило столько исторических, вершащих судьбы мира событий, – отправился знакомиться с Городом.

«В то время Форум еще не был весь раскопан, как теперь, и назывался он «Бычье поле», потому что на него приезжие крестьяне сгоняли скот, предназначенный к продаже. Быков, лошадей и мулов привязывали прямо к капителям, которые теперь стоят так высоко.

Я обмер, когда увидел Капитолий, арки Септимия Севера и Тита, а за ними – огромные развалины Колизея. Долго ходил, пробовал зарисовывать в свой альбомчик, но сейчас же бросал. Хотелось смотреть и смотреть, видеть еще и еще! Не верилось, что мечта моя осуществилась, что я попал в Италию, в Рим, куда стекаются не только пилигримы, но и художники – живописцы и скульпторы – со всего света».

Одна из удивительных особенностей Рима – почти полное отсутствие сумерек. Темнота наступает тут всегда неожиданно и практически сразу после захода солнца. Разумеется, юный Котарбинский, привыкший к долгим вечерним полутонам Польши, этого не знал и спохватился лишь тогда, когда на город обрушилась ночь. Тут только он и вспомнил, что впопыхах и от смущения не спросил у швейцара ни название гостиницы, ни ее адрес. «Не беда, ведь я художник, значит могу найти улицу и дом по памяти», – решил юноша и отправился на поиски. Сначала он как будто вспоминал и дома, и переулки, мило здоровался с каждой статуей на фасадах и узнавал характерные скосы на брусчатке мостовой... Но чем дольше он ходил, тем яснее осознавал, что каким-то причудливым образом все статуи и мостовые стали походить друг на друга...

«Становилось все темнее и темнее, и все дома в Риме казались совсем одинаковыми. Спрашивать было бесполезно – языка я не знал, да и что было спрашивать?! Надо было подумать о ночлеге. Смотрел, нет ли поблизости какой ни на есть гостиницы, но ничего не нашел. Пришлось заночевать прямо на улице, как те бездомные бродяги в больших круглых шляпах, которые выберут себе где-нибудь ступеньку повыше, чтобы ночью собаки не обидели, постоят, посмотрят по сторонам, нет ли где поблизости полиции, и, завернувшись с головой в темно-синие, коричневые или зеленые суконные плащи, один за другим укладываются спать. Долго не решался я так поступить, а кончил тем, что высмотрел уже в полной темноте свободный подъезд в три ступеньки и начал на нем укладываться. Плаща у меня не было. Застегнул летнее пальто на все пуговицы, поднял воротник, чтобы было теплее, снял ботинки и положил их под голову, связав между собою шнурками – боялся, что ночью украдут. Положил свою тросточку поближе к стене, повернулся к ней лицом, чтобы полицейские, ходившие ночью с фонарем, не узнали «знатного иностранца», и крепко заснул сладким сном. Ночь была тихая, теплая, и проснулся я только тогда, когда стало совсем светло. Осторожно повернулся, посмотрел на противоположную сторону улицы, и тут увидел дом, освещенный утренним солнцем. Дом и большой стеклянный подъезд показались какими-то очень знакомыми. Стал пробовать прочесть вывеску с золотыми буквами, блестящую на солнце. Буквы отражали солнечный свет и сливались все вместе: свежий лак на вывеске блестел, как зеркало, и глаза слепило. Вдруг дверь отворилась и на порог вышел со щеткой и тряпкой в руках тот самый швейцар, который вчера принимал мой багаж и отводил номер! Швейцар посмотрел по сторонам и начал медленно подметать тротуар и улицу перед подъездом, а потом взял суконку и начал чистить медные ручки дверей. Я поскорее повернулся лицом к стене, к нему спиной, чтобы он меня как-нибудь не узнал, и сделал вид, что продолжаю спать. Лежал и прислушивался. Дождался, наконец, когда звякнула стеклянная дверь, полежал еще немного, потом осторожно посмотрел и, увидев, что швейцар ушел, встал, отряхнулся, надел башмаки, обошел кругом квартал и вернулся, как ни в чем не бывало, в гостиницу с видом ночного гуляки, которому ничего не стоит прокутить всю ночь напролет».

В гостинице художник моментально упал на кровать и... к своему огромному удивлению, почувствовал себя совершенно счастливым. И пусть первый римский рассвет был встречен унижительной ночевкой на холодных ступеньках, а внушительная сумма, уплаченная за сон в гостинице, была потрачена впустую, однако на душе у юного Вильгельма было на редкость светло и весело – он вспоминал вчерашние впечатления от Города и понимал, что нашел удивительно правильное место для жизни и творчества. Дивные приключения только начинались и осознание этого даровало юному Д'Артаньяну мощнейший душевный подъем.

Сложности переходного периода

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.